

Революционное меньшинство

— „Все, что вы проповедуете, вполне справедливо”, говорят наши противники. — „Ваш идеал анархического коммунизма прекрасен, и его осуществление принесло-бы человечеству мир и благоденствие. Но много-ли тех, которые к нему стремятся, которые его понимают и готовы самоотверженно работать над его проведением в жизнь! Вы составляете незначительное меньшинство, рассеянное там и сям, слабые группы, затерянные среди индифферентной массы, а ваш враг силен, хорошо организован и вооружен капиталом, образованием и армией. Борьба, предпринятая вами, превышает ваши силы”.

Вот возражение, которое нам представляют наши противники и даже некоторые наши друзья. Рассмотрим, насколько справедливо это возражение.

Что наши анархические группы составляют меньшинство в сравнении с десятками миллионов, населяющих Францию, Испанию, Италию и Германию — совершенно верно. Но что же из этого?

Представители нарождающихся идей всегда составляли меньшинство. Весьма возможно, что мы, как организация, останемся этим меньшинством до самого дня грядущей революции. Но разве это аргумент против нас? — В наше время оппортунисты составляют большинство, не стать же нам из-за этого оппортунистами? До 1790 года большинство составляли роялисты и конституционалисты: неужели республиканцы той эпохи должны были из-за этого отказаться от своих республиканских идей и стать роялистами, когда вся Франция шла большими шагами к уничтожению королевской власти?

Дело не в том, что мы составляем меньшинство. Это не важно. Успех будет на нашей стороне, если только наши идеи анархического коммунизма соответствуют современной эволюции человечества. На наш взгляд относительно этого не может быть сомнений. Человечество стремится не к усилению власти, а к освобождению личности, к свободе производителя и потребителя, к Коммуне, к свободным союзам; оно восстает против частной собственности и мечтает о коллективном производстве и потреблении всех товаров всеми членами Коммуны. В больших городах коммунизм не страшит уже никого, особенно анархический коммунизм. В деревнях эволюция происходит в том же направлении. За исключением некоторых местностей, поставленных в особые условия, везде крестьяне начинают понимать преимущество общественных работ и приобретают орудия и машины для всеобщего пользования. Вот почему каждый раз, как мы излагаем трудящимся массам свои идеи, каждый раз, как мы говорим им простым понятным языком о социальном перевороте, они встречают нас сочувственно, как в крупных промышленных центрах, так и в деревнях.

И возможно ли, чтоб это было иначе? Если анархия и коммунизм были-бы продуктами научных исследований и философских размышлений, то, быть может, они не нашли-бы себе отклика. Но эти два принципа возникли в среде народа. Они являются выразителями того, что думают и говорят рабочие и крестьяне, когда, забыв на время свою обыденную жизнь, они мечтают о лучшем будущем. Эти принципы являются плодами медленной эволюции, происшедшей за последнее столетие. Народ надеется, что они принесут миру справедливость, единение и братство. Он радостно приветствует каждого, излагающего в понятной форме эти идеи, зародившиеся в его среде.

В этом сочувствии народа и заключается настоящая сила анархического коммунизма; число же активных сторонников, сгруппированных и организованных, достаточно самоотверженных, чтоб пренебречь опасностями борьбы и преодолеть все возникающие препятствия, играет второстепенную роль. Число это растёт с каждым днем, и мы надеемся, что в решительный момент оно из меньшинства станет большинством.

История своим прошлым подтверждает нам это. Те, которые составляли меньшинство накануне революции, становились преобладающей силой в день её наступления, если они являлись выразителями стремлений народа, а революция была достаточно продолжительна, чтоб пустить корни и дать плоды. Разрушить современный строй и создать общество, основанное на принципах анархического коммунизма, невозможно в два-три дня. Кратковременный взрыв может свергнуть одно правительство, чтоб поставить на его место другое, заменить Наполеона каким нибудь Жюль Фавром, но он не в силах переродить основных устоев общества. Чтоб свершить предполагаемый нами переворот, изменить современные способы группировки людей и уничтожить частную собственность, — необходимы три-четыре года непрерывных восстаний. В течение пяти лет, с 1788 по 1793 г., Франция боролась с режимом феодального землевладения и с могуществом королевской власти. Не меньше чем в три-четыре года можно будет сразить буржуазный феодализм и могущество европейской плутократии.

В этот период усиленного возбуждения, когда мысль работает с невероятной быстротой, когда все, как в больших городах, так и в глухой деревне, принимают участие в общем деле, анархические идеи, посеянные уже существующими группами, пустят корни и принесут плоды. В такие моменты даже люди, индифферентные ко всему становятся ярыми защитниками новых принципов.

Таков был всегда ход новых идей; великая французская революция подтверждает нам это.

Французская революция, конечно, была не так глубока, как та, которую мы предсказываем Европе. Она свергла аристократию, чтоб поставить на её место буржуазию. Она не коснулась режима частной собственности и укрепила эксплуатацию низших классов буржуазией. Но эта революция окончательно уничтожила рабство, уничтожила его с оружием в руках, а не писанными законами. Она открыла эру революций, непрерывно следующих одна за другой, все более и более приближающихся к Социальной Революции. Она дала человечеству революционный импульс, без которого народы коснели бы до сих пор в рабстве. Она завещала миру целый поток плодотворных идей, пробудила дух восстания, дала французскому народу революционное воспитание. Если в 1871 году

Франция дошла до Коммуны; если теперь она готова принять принципы анархического коммунизма, между тем, как другие нации пребывают еще в периоде монархизма или конституционализма (эти периоды были пройдены Францией до 1848 года, или вернее до 1879), то это несомненно объясняется тем, что в конце прошлого века она пережила четыре года великой революции.

Вспомните, какую печальную картину представляла собою Франция за несколько лет до революции и как бессильно было то меньшинство, которое мечтало об уничтожении королевской власти и феодализма.

Крестьяне были погружены в самую ужасную нищету и невежество. Затерянные в глухих деревнях, не имеющих между собой правильного сообщения, не зная, что делается за двадцать верст от них, задыхавшиеся под тяжестью труда и лишений, эти несчастные существа, казалось, были обречены на вечное рабство. Малейшее восстание подавлялось вооруженной силой: солдаты расстреливали беззащитный народ и вели на виселицу его предводителей. Попадались иногда в деревнях агитаторы, проповедующие народу ненависть к его угнетателям, стремившиеся пробудить в нем надежду и жажду свободы. Смелчаков, решавшихся слушать их, было мало. Крестьяне не смели даже просить хлеба и уменьшения налогов.

Что касается буржуазии, то она поражала своей трусостью. Изредка попадались в её среде революционеры, заявлявшие правительству свой протест. Но большая часть буржуазии гнула спину перед королем и придворными, перед знатью, перед слугами аристократов. Самой гнусной подлостью, самой ужасной низостью дышат её слова и поступки до 1789 года, — что-бы там ни говорили Луи Блан и другие защитники этой буржуазии. Глубоким отчаянием проникнуты слова революционеров той эпохи. Как прав Камилль Демулен, говоря: „Нас, республиканцев, было в Париже до 1789 года едва двенадцать человек”...

И какое глубокое перерождение произошло за какие-нибудь три-четыре года. Как только власть короля была поколеблена, угнетенный народ поднялся. Весь 1788 год прошел в непрерывных, частичных восстаниях крестьян. Подобно стачкам нашего времени, они вспыхивали там и сям на территории Франции, захватывая все большие и большие пространства, становясь все продолжительнее и ожесточеннее.

За два года до революции, народ униженно просил уменьшения податей (как теперь он просит увеличения заработной платы). В 1789 году он ищет свободы и хочет свергнуть иго аристократии, духовенства и частных собственников — буржуа. Как только народ заметил, что правительство больше не в силах подавлять мятежи, он восстал против своих врагов. Его предводители идут поджигать дворцы аристократов, между тем как еще покорная и трусливая толпа ждет, пока пламя пожара охватит холмы и осветит облака, чтоб вздернуть сборщиков податей на те виселицы, на которых погибли провозвестники революций. Войска отсутствуют; они заняты в другом месте. Восстание идет от хижины к хижине, из деревни в деревню, и скоро пол-Франции пылает огнем. Будущие революционеры из буржуазии гнут еще спину перед королем, будущие герои революции пытаются подавить восстание незначительными уступками. Но города и деревни требуют свободы и предъявляют свои права, не дожидаясь созвания Генеральных Штатов и зажигательных речей Мирабо. Сотни

мятежей (Тэн их насчитывает более трехсот) вспыхивают в деревнях и готовят тот день, когда парижане, вооруженные пиками и несколькими пушками, овладевают Бастилией.

Если-бы революция разразилась только в Париже, если-бы это была парламентская революция, ее можно было-бы залить потоками крови. Тогда контр-революционеры, высоко подняв белое знамя, толпами ходили-бы из деревни в деревню, из города в город, избивая крестьян и санкюлотов. Но, к счастью, революция сразу приняла другой характер. Она вспыхнула почти одновременно в тысяче мест. Революционное меньшинство, черпая силы в правоте своих стремлений и в безмолвном сочувствии народа, победоносно шло из деревень, сел и городов всей Франции взять Бастилию, королевский дворец и городскую думу. Оно терроризировало аристократию и крупную буржуазию и увлекало за собой народ, который гордо шел уничтожать привилегии и завоевывать свою свободу, свои права.

Таков же будет путь наступающей революции. Идеи анархического коммунизма проникнут в сознание масс и привлекут их на свою сторону. Тогда меньшинство, поддерживаемое народом, подымет красное знамя восстания. Вспыхнув почти одновременно во-всех концах мира, препятствуя учреждению какого-бы то ни было правительства, могущего задержать ход событий, революция будет свирепствовать до тех пор, пока не исполнит своей миссии: уничтожение частной собственности и государства.

В этот день меньшинство станет большинством. Народ, перешагнув через частную собственность и государство, придет к анархическому коммунизму.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 23 апреля 2025 23:22:57

██████████ ██████████ обновил 23 апреля 2025 23:23:20